

УДК: 81.27
ББК 81.0 (Англ.)

**Т.В. Ларина,
В.И. Озюменко**

СВОБОДА ЛИЧНОСТИ КАК КОНСТИТУИРУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ АНГЛИЙСКОГО ДИСКУРСА

Актуальность статьи обусловлена необходимостью выявления социокультурных факторов, влияющих на построение дискурса и формирование его этнокультурных характеристик. Объектом исследования является дискурс представителей англосаксонской культуры (*Anglo culture*), то есть рассматривается *Anglo English* [Wierzbicka 2006a]. Подобную генерализацию считаем допустимой, когда речь идет о сходствах, а не различиях. Цель статьи – показать, что идея свободы личности в той или иной степени пронизывает всю ткань английского дискурса и является его конституирующим компонентом.

Ключевые слова: *английский дискурс, коммуникативные ценности, конституирующий компонент, коммуникативный этностиль.*

DOI 10.23683/1995-0640-2017-2-160-172

Ларина Татьяна Викторовна – докт. филол. наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов
Тел.: +7-909-989-69-14
E-mail: tatiana@larina.tv

Озюменко Владимир Иванович – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Института права Российского университета дружбы народов
Тел.: +7-905-702-83-01
E-mail: vladimir@ozyumenko.ru

© **Ларина Т.В.,
Озюменко В.И., 2017.**

Интерес к дискурсу, проявляемый в последнее время исследователями разных направлений и дисциплин, не случаен. Как отмечает А.А. Кибрик, дискурс – это «единственный заведомо реальный лингвистический объект языка» [Кибрик, с. 1]. В рамках лингвистики он рассматривается как язык в его функционировании, в отличие от языка как системы. Как показывает анализ дискурсивных исследований, на настоящий момент не существует универсальной теории дискурса, как и единого определения самого понятия *дискурс* (см. [Alba-Juez, 2009, 2016; Богданова, 2016; Карасик, 2002, 2016; Кашкин, 2010; Клушина, 2016; Красина, 2016; Макаров, 2003; Олянич, 2004; Озюменко, 2016; Martin, 2017; Ponton, Ларина, 2016, 2017; и др.]). Дискурс-анализ включает в себя разнородные подходы, аналитические инструменты и методологии. Он находится в постоянном развитии, и область дискурсивных исследований, которые могут носить объяснительный, описательный или критический характер, продолжает расширяться. Она охватывает самые разные тексты – политические, экологические, медийные, юридические и т.д., анализ которых производится с применением различных подходов и методологий.

В широком понимании дискурс – это речевая деятельность, социально обусловленная организация речи, или речь с учетом экстралингвистических факторов – прагматических, социокультурных, психологических и др. В это понятие входит не только текст как результат дискурса, но и

контекст, влияющий на его построение, а также невербальные компоненты коммуникации, сопровождающие речь. Другими словами, дискурс образуют два основных компонента – текст и контекст [Alba-Juez, 2009, p. 10]. При этом контекст понимается в самом широком смысле этого слова как «любой фактор – лингвистический, физический, общественный, – который влияет на интерпретацию лингвистических знаков» [Кечкеш, с. 8]. Он включает *ситуативный контекст* (или *внешний контекст*) – ситуативные условия коммуникации, *психологический контекст* (или *внутренний контекст*) – психологические факторы, влияющие на процесс коммуникации и *преконтекст* – весь прежний опыт участников взаимодействия [Ларина, 2017, с. 31]. Преконтекст основывается на нашем предыдущем опыте, он развивается через регулярно повторяющиеся аналогичные ситуации, которые мы связываем с текущей ситуацией [Kecskes 2014, p. 215].

Культура также является контекстом. Социокультурный контекст выступает важнейшим экстралингвистическим фактором, который определяет коммуникативное поведение и формирует *этнокультурный стиль коммуникации* [Ларина, 2009; Larina, 2015]. В межкультурном аспекте дискурс можно рассматривать как речевую деятельность людей, протекающую в социокультурном контексте, определяющем ее. В этом случае можно говорить об этнокультурных типах дискурса: дискурсе русских, англичан, китайцев и т. д. При этом отметим, что мы осознанно допускаем высокую степень генерализации, которую считаем неизбежной в межкультурных исследованиях. С одной стороны, безусловно, дискурс – это общение между людьми, а не между культурами, и речь каждого человека имеет свои индивидуальные особенности. С другой – представители различных культур в своем коммуникативном поведении всегда имеют некоторые общие черты, которые предопределяются их менталитетом, разделяемыми культурными ценностями, системой социальной организации общества. Как справедливо отмечает К. Фокс, культура – это *совокупность* моделей поведения, традиций, образа жизни, идей, верований и ценностей той или иной социальной группы, при этом можно обнаружить некое *ядро* – совокупность базовых моделей [Fox, p. 10]. Что касается английской культуры и английского языка, который существует в нескольких вариантах, то здесь, вслед за А. Вежбицкой, мы допускаем еще большее обобщение и под этими терминами имеем в виду англосаксонскую культуру (*Anglo culture*), объединяющую культуры стран, в которых английский язык является исторически доминирующим, и, соответственно, *Anglo English* [Wierzbicka, 2006a]. Считаем подобное обобщение допустимым, когда речь идет не о различиях, а об общих чертах.

Правила построения дискурса диктуются базовыми характеристиками культуры, в первую очередь социокультурными параметрами и ценностями, которые определяют приоритетность коммуникативных стратегий и в итоге организуют дискурс. Ценности приобретаются человеком в процессе воспитания и существуют на бессознательном уровне,

моделируя все его поведение, в том числе и коммуникативное. Как справедливо отмечают исследователи, «точно так же, как грамматические правила порождения высказывания известны каждому носителю языка, хотя он исключительно редко формулирует их для себя в вербальной форме, эти бессознательные ценностные структуры существуют в каждом представителе данного этноса, представляя собой *порождающую грамматику поведения*» [Касьянова, с. 24] (Выделено нами. – Т.Л., В.О.).

Речь идет в первую очередь о ценностях, относящихся к коммуникативному сознанию, обеспечивающему коммуникативную деятельность человека. Это *коммуникативные ценности* – культурные ценности, которые оказывают решающее влияние на коммуникативное поведение, определяют его правила и нормы, формируют стиль коммуникации [Ларина, 2017, с. 35]. К коммуникативным ценностям можно отнести *дистантность* и противоположную ей *контактность (общительность)*, *равенство* и *статус*, *эмоциональную открытость* и *эмоциональную сдержанность* и др. Они регулируют коммуникативную деятельность людей и выступают в качестве конституирующих компонентов дискурса. Знание того, что ценится в той или иной культуре, во многом помогает понять и прогнозировать поведение ее представителей.

В данной статье на примере английского языка мы рассмотрим, как свобода личности, являющаяся одной из важнейших ценностей английской культуры (см. [Fox, 2005, Рахман, 1999, Wierzbicka, 2006a,b] и др.) определяет многие особенности построения дискурса и формирует его основные черты.

Свобода личности, ее право на независимость, на личное пространство (*privacy*) является в английской культуре той важнейшей ценностью, которая находит отражение в материальной культуре, в сознании, в характере, а также в языке и коммуникации. В процессе коммуникации представители англосаксонских культур, хотя и с несколько разной степенью интенсивности, прилагают особые усилия для того, чтобы продемонстрировать признание независимости друг друга и заверить в отсутствии намерений нарушить существующие границы, а в случае необходимости вторжения максимально смягчить его. В результате отличительной особенностью английской коммуникации является соблюдение дистанции, как в использовании физического пространства, так и на вербальном уровне, что особенно хорошо видно при сопоставлении с русским языком.

Английский язык предлагает богатый набор коммуникативных стратегий и языковых средств для того, чтобы не допустить прямого воздействия на адресата. На наш взгляд, возможно слишком смелый, вся система английских модальных глаголов подчинена этой цели. Можно предположить, что их разнообразие, отсутствующее в русском языке, обусловлено тем, что носителям английского языка чрезвычайно важно передать самые тонкие оттенки межличностных отношений, особенно в тех ситуациях, где затрагиваются интересы другого и есть опасность покушения на его независимость. У носителей русского языка, в силу

особенностей их культуры [Larina et al., 2017], такой потребности нет, и они могут обойтись гораздо меньшим набором языковых средств.

В качестве примера мы уже приводили русское модальное слово *должен* (*Ты должен*) и варианты его перевода на английский язык [Озюменко, 2012], которыми, в зависимости от контекста, могут быть *You must* (потому что это приказ) / *You have to* (так как нет другого выхода) / *You should* (поскольку это было бы хорошо) / *You are to* (в силу имеющейся договоренности) / *You are supposed to* (потому что так принято) и др. Ср.:

(1) *You are supposed to be at school at 9 o'clock* (букв.: Вы предполагаетесь быть в школе в 9 часов). *Вы должны быть в школе в 9 часов.*

(2) *You are to be at the station at 10.* – *Ты должен быть на вокзале в 10* (согласно договоренности).

Что касается модального глагола *must*, который, на первый взгляд, соответствует русскому слову *должен*, то он употребляется с большими ограничениями, особенно если направлен на адресата (*You must*), так как обладает значительной силой воздействия, которое в английском коммуникативном пространстве не приветствуется. Данные ограничения наблюдаются не только в бытовом, но и институциональном дискурсе. Так, например, как отмечает словарь MEDAL, в инструкциях и юридических документах для выражения значения «something must be done» (что-то должно быть сделано) используется модальный глагол *shall*, сила воздействия которого значительно меньше, хотя он также передает долженствование:

(3) *The party which wishes to refer the dispute to Arbitration shall notify the other Party by a registered letter.* – *Сторона, которая хочет разрешить спор в арбитражном суде, должна уведомить об этом другую сторону заказным письмом.*

Уважение к свободе личности проявляется в том, что в английском дискурсе не приветствуется как директивная, так и запретительная тональность, что хорошо видно в информативно-регуляторских текстах, особенно при их сопоставлении с русскими. Ср.:

(4) *Oriel College is closed to visitors. Thank you.* – *Посторонним вход в университет запрещен.*

(5) *No barbecues or fires of any kind* – *Разводить костры запрещено.*

Помимо модальности, широко используемым языковым средством защиты свободы личности является также пассивный залог. С помощью этой грамматической формы сам адресат выводится из дискурса и в результате речь идет якобы не о нем, а о предметах, к которым он имеет или может иметь отношение.

Проанализируем объявление перед входом в кафе, которое мы увидели в одном из книжных магазинов Лондона. Его прагматика сводится к тому, что в кафе нельзя войти с неоплаченными книгами, газетами или журналы.

(6) *Dear Customers, unfortunately we cannot allow any books, newspapers or magazines into Costa Coffee until they have been paid for.*

В данном тексте отсутствует как запретительная, так и побудительная тональность в адрес посетителей. Вместо нее (при буквальном переводе) выражено сожаление по поводу невозможности «позволить книгам оказаться в кафе пока они не оплачены», для чего используются единицы модальности (*unfortunately, cannot*) и пассивный залог, который смещает акцент с посетителей на книги. В русском контексте подобное объявление звучало бы, скорее всего, более прямо и категорично и даже могло бы содержать эксплицитный запрет:

(6.1) *Уважаемые посетили! Вход в кафе с неоплаченным товаром запрещен.*

(6.2) *Уважаемые посетили! Просим вас не вносить с собой неоплаченный товар.*

(6.3) *Уважаемые посетили! Прежде чем войти в кафе, не забудьте оплатить выбранные вами книги, газеты и журналы.*

Вывод адресата из дискурса достигается также за счет отсутствия прямого обращения, как в примере (7.1), где мы снова видим пассивный залог и модальный глагол в сослагательном наклонении:

(7.1) *Please could customers be reminded that any antisocial behaviour will lead to a penalty.*

Дословный перевод данного текста на русский язык представляется невозможным. Прагматическим соответствием может быть:

(7.2) *Уважаемые покупатели! Напоминаем вам, что за нарушение общественного порядка налагается штраф.*

Недопустимость оказания прямого воздействия на адресата ярко проявляется в строгом ограничении на употребление императива, который в английском языке можно назвать табуированной грамматической формой, поскольку это прямое покушение на независимость личности (подробно см.: [Ларина, 2009, 2013]). Данный запрет в той или иной степени распространяется на все варианты английского языка и затрагивает не только ситуации формального, но и неформального общения.

Для смягчения воздействия на адресата, где оно представляется неизбежным, в английском языке имеется хорошо разработанная система стратегий дистанцирования [Ларина, 2009; Leech, Larina, 2014], или стратегий негативной вежливости [Brown, Levinson, 1987], которые предписывают говорить не прямо, а косвенно, максимально смягчая воздействие на собеседника. В результате в ситуациях побуждения предпочтение отдается вопросительным высказываниям, сформулированным в виде вопроса о возможности или желании адресата совершить действие:

(8) *Would you like to put down your answers* (команда учителя);

(9) *Do you think you could give me a lift* (просьба коллеги);

(10) *Would you like to come to my birthday party?* (приглашение друга).

В каждой культуре степень прямолинейности или косвенности просьбы зависит от контекста, в том числе и от самой просьбы, степень сложности которой может быть элементарной, средней и высокой. Однако, как доказано многочисленными исследованиями, даже при самых

неформальных отношениях, обращаясь с элементарной просьбой, англичане предпочитают косвенный способ выражения просьбы напрямую:

(11) *Could you pass me the book, please* (в семье).

При более дистантных отношениях высказывание может быть значительно длиннее:

(12) *Excuse me, I am terribly sorry to bother you but could you possibly pass me the book?* (в библиотеке).

Как показали результаты проведенных исследований [Ларина, 2009, 2013 и др.], косвенное выражение побуждения, которое на уровне формы предоставляет адресату выбор – совершать или не совершать действие, к которому его побуждают, касается всех побудительных речевых актов и наблюдается в разных типах дискурса даже в тех ситуациях, где у адресата нет иного выбора, кроме как совершить действие, к которому его побуждают, т. е. в директивах:

(13) *Would you like to read?* (учитель – ученику)

(14) *Could you please type these letters?* (начальник – секретарю)

(15) *Would you mind moving up the car?* (полицейский – водителю).

А. Вежбицка формулирует эту особенность в виде культурного скрипта, который предписывает не допускать оказания давления на другого:

when a person is doing something

it is good if this person can think about it like this:

'I am doing this because I want to do it

not because someone else wants me to do it.' [Wierzbicka, 2006b]

То есть, побуждая другого человека к какому-либо действию, необходимо сформулировать свое побуждение таким образом, чтобы адресат подумал: «Я делаю это потому, что я этого хочу, а не потому, что кто-то другой хочет, чтобы я это сделал». В данном скрипте ярко выражена главная ценность, регулирующая поведение носителей английского языка, – свобода и независимость личности, которая не позволяет прямо говорить другому, что ему делать.

Данное правило распространяется и на ситуации с асимметричными ролевыми отношениями, как, например, при общении вышестоящего с нижестоящим. Рассмотрим в качестве примера мини-диалог начальника и его секретаря, в котором содержится просьба зайти в кабинет, принести папку с документами и чашку кофе. Несмотря на наличие вертикальной дистанции и кажущееся право вышестоящего давать прямые указания, все три просьбы выражены косвенно в виде вопроса о возможности адресата совершить действие:

(16.1) *'Anita, could you please come to my office for a moment? Could you get me the file on sales in France? I just need to check something. Oh, and Anita, I'd love a cup of coffee, if that's at all possible.'*

'Yes, Mr Parkinson'.

В русском контексте стиль коммуникации в подобной ситуации был бы более прямым, кратким и четким. Императив, смягченный словом *пожалуйста*, представляется здесь наиболее уместным. Начальник

не станет также объяснять причину, по которой он обратился с просьбой принести папку:

(16.2) *Анна, зайдите, пожалуйста, ко мне и захватите папку по продажам во Франции. Да, и чашечку кофе, пожалуйста.*

Не являются исключением в английском дискурсе и ситуации с еще более выраженной дистанцией власти, как в примере, взятом из романа С. Ahern «P.S. I love you», где полицейский арестовывает в ресторане девушку-официантку. Убедившись, что это именно та, кто ему нужен, он представляется ей и произносит следующую фразу:

(17) *“I was wondering if you would accompany me to the station, please”* (букв.: Мне было интересно, пожелали ли бы вы пойти со мной в участок, пожалуйста?)

Здесь мы видим двойную косвенность, что достигается при помощи употребления косвенного вопроса. Наблюдается перенос основного действия на адресанта (*I wonder*), т.е. применяется тактика вывода адресата из дискурса, используется модификатор *please*. Однако девушка сразу поняла, что данная фраза является не вопросом о ее желании, а приказом, что вызвало у нее шок (*It was more of a statement than a question and Denise’s mouth dropped open in shock*).

Таким образом, как показали приведённые примеры, более высокий статус не является в английской культуре основанием для того, чтобы допускать императивный тон и прямо указывать подчиненному на ожидаемые от него действия. Свобода личности и здесь регулирует построение дискурса и предопределяет выбор стратегий. Независимо от ролевых отношений (отец – сын, учитель – ученик, начальник – подчиненный и даже полицейский и преступник) вышестоящий выражают свои коммуникативные намерения не прямо, а косвенно, оставляя, хотя бы на уровне формы, выбор за адресатом даже в тех случаях, когда реально он отсутствует.

Строгое соблюдение дистанции и недопустимость покушения на свободу личности проявляются в английском дискурсе не только на уровне употребления языковых средств (ограничение на употребление императива, например, или глагола *must*) и коммуникативных стратегий. Они касаются ограничений на ряд речевых актов. Ярким примером является речевой акт *замечание*, который в английском дискурсе можно отнести к разряду табуированных. Результаты исследования, проведенного с применением метода включенного наблюдения и интервью, показали, что данный речевой акт в английской коммуникативной культуре практически отсутствует. Считается совершенно недопустимым делать замечание незнакомым людям (в том числе детям), даже если они ведут себя вразрез с принятыми нормами (курят в неполюженном месте, шумно себя ведут в транспорте и т.п.). Недовольство можно выразить третьим лицам, которые несут ответственность за соблюдение порядка в конкретном месте (водителю автобуса, официанту или полицейскому), который отреагирует, используя уже рассмотренные выше стратегии дистанцирования. Например:

(18) *Would you kindly stop smoking, please? Thank you* – букв.: Вы любезно *пожелали бы* перестать курить, пожалуйста? Спасибо (водитель автобуса – пассажиру) (из личных наблюдений).

Как видим, в данном высказывании использованы многочисленные средства смягчения побуждения и целый набор стратегий дистанцирования: водитель обращается к пассажиру не прямо, а косвенно (через вопрос), апеллирует к его желанию (*would you*), выражает сомнение в нем (сослагательное наклонение), использует несколько модификаторов – *kindly, please, thank you*. В результате замечание, являющееся по сути командой, звучит как мягкая и деликатная просьба.

На данную особенность британцев неоднократно обращали внимание исследователи [Ларина, 2013, с. 233 – 243, Павловская, с. 237 – 238, Фокс и др.]. Так, К. Фокс со свойственным ей юмором описывает реакцию англичан на громкий разговор по телефону в транспорте, что является проявлением невоспитанности и неуважения к окружающим:

Попутчики могут вздыхать и закатывать глаза, но редко кто-нибудь из них решится сделать невеже замечание, потому что это влечет за собой нарушение других укоренившихся правил английского этикета, запрещающих заговаривать с незнакомцами, устраивать скандалы в общественных местах или привлечь к себе внимание... Даже в «тихом» вагоне самое страшное, что его может ожидать, – это свирепые многозначительные взгляды [Фокс, с. 106, 178]. (Тихий вагон в поезде – вагон, в котором запрещено пользоваться мобильными телефонами.)

В английских университетах преподаватели не делают замечаний студентам, которые входят в аудиторию после начала лекции или выходят до ее окончания, разговаривают друг с другом, встают с места или решили перекусить. Преподаватель не может позволить себе не впустить на занятия опоздавшего студента, так как это тоже нарушение его прав и свобод.

Недопустимость замечаний, во всяком случае в той форме, как это делается в русской культуре, наблюдается в разных типах дискурса, что позволяет говорить о системном характере данной дискурсивной особенности. Мы попросили английского преподавателя русского языка найти соответствия следующим русским замечаниям (19 – 22) в английском языке. Отметив, что такого речевого акта, как замечания, в английской культуре не существует, она предложила следующие соответствия:

(19) *Перестаньте же так шуметь!* – *Will you not make so much noise?* (букв.: Вы не будете так шуметь?) (родители – детям).

(20) *Опять оставили на столе грязные чашки!* – *Would you mind not leaving dirty cups on the table?* (букв.: Не могли бы вы не оставлять на столе грязные чашки?)

(21) *Не отвлекайтесь.* – *Are you with me?* (букв.: Вы со мной?) (учитель – разговаривающим на уроке ученикам).

(22) *Больше не опаздывайте.* – *Please make sure you're on time in future* (Пожалуйста, убедитесь, что в будущем вы будете вовремя) (учитель – опоздавшему на занятия ученику).

Сформулированные в подобной форме английские высказывания действительно трудно назвать замечаниями.

Критические замечания в научной дискуссии или в рецензии на научную статью также дают яркие свидетельства данной дискурсивной особенности. Они носят некатегоричный и непременно субъективный характер, оставляя за адресатом право оставаться при собственном мнении:

(23) *If you don't mind my saying so your calculations are open to question* (букв.: Если вы не возражаете тому, что я скажу, ваши расчеты открыты для вопросов).

(24) *I think the paper would benefit greatly from some examples* (букв.: Я думаю, статья выиграла бы, если бы в ней были примеры).

(25) *I am still not sure if I have understood what is meant by...* (букв.: Я так и не понял, что имелось в виду под...)

В данной статье мы не претендовали на глубокий анализ английских дискурсивных особенностей. Нашей задачей было показать, что дискурс строится по определенным правилам, характерным для конкретной лингвокультуры, его конституирующими компонентами являются коммуникативные ценности, которые предопределяют выбор стратегий и языковых средств в конкретных ситуациях межличностного взаимодействия (как непосредственного, так и опосредованного). Мы ограничились лишь некоторыми примерами, пунктирно обозначив ситуации и речевые акты, в которых соблюдается свобода личности адресата. Однако результаты проведенных исследований, которые, безусловно, требуют продолжения, позволяют сделать вывод о том, что идея свободы личности в той или иной степени пронизывает всю ткань английского дискурса, она проявляется как в бытовом, так и институциональном дискурсе (деловом, профессиональном и др.) – везде, где есть взаимодействие между людьми и затрагиваются интересы личности. Руководствуясь данной ценностью, представители английской культуры соблюдают принцип коммуникативной неприкосновенности. Они избегают прямого воздействия на адресата, широко используют стратегии дистанцирования и средства смягчения воздействия в ситуациях, где оно оказывается неизбежным. Данные дискурсивные практики формируют доминантные черты английского стиля коммуникации, среди которых – *дистантность, неимпозитивность, косвенность, имплицитность* и др. [Ларина, 2009, Larina, 2015].

Выявление этнокультурных особенностей дискурса – важнейшая задача дискурс-анализа, так как именно различия в построении дискурса являются серьезной причиной непонимания в межкультурной коммуникации. Изучение базовых социокультурных ценностей, оказывающих первостепенное влияние на коммуникативное поведение представителей той или иной лингвокультуры и организующих их дискурс, представляется перспективным направлением междисциплинарных исследований. Знание данных ценностей позволяет понять механизмы построения дискурса, помогает найти ответы на многие теоретические

вопросы и дать практические руководства к использованию языка в межкультурном взаимодействии.

Литература и источники

Богданова Л.В. Текст и дискурс: в поисках выхода из лабиринта // Вестн. Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20, № 3. С. 7–30.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности // Вестн. Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20, № 4. С. 56 – 77.

Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 560 с.

Кашкин В.Б. Введение в теорию дискурса. М.: Восточная книга, 2010.

Кечкеш И. Слово, контекст и коммуникативное значение // Вестн. Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2014. № 1. С. 7 – 18.

Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов. // Вопросы языкознания. 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://ilingran.ru/kibrik/Discourse_classification@VJa_2009.pdf (дата обращения 12.06.2017).

Клушина Н.И. Дискурс-анализ и стилистика: интегративные методы исследования медиа коммуникации // Вестн. Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20, № 4. С. 78 – 90.

Красина Е.А. Дискурс, высказывание и речевой акт // Вестн. Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20, № 4. С. 91–102; Серия: Лингвистика. 20 (4), 7–25.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с. (Язык. Семиотика. Культура).

Ларина Т.В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013. 360 с.

Ларина Т.В. Основы межкультурной коммуникации: учебник для студ. учреждений высш. образования. М.: «Академия», 2017. 192 с.

Ларина Т.В., Озюменко В.И. Этническая идентичность и ее проявление в языке и коммуникации. Ethnic identity in language and communication // Cuadernos de Rus tica Espa ola 2016, 12. 57-68. [Электронный ресурс]. URL: <http://revistaseug.ugr.es/index.php/cre/issue/view/358/showToc> (дата обращения 12.06.2017).

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. Волгоград: Парадигма, 2004.

Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции – к агрессии // Вестн. Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21, № 1. С. 203–220.

Павловская А.В. Англия и англичане. М.: Изд-во Московского ун-та; Триада, лтд, 2004.

Alba-Juez L. Perspectives on Discourse Analysis: Theory and Practice. Cambridge Scholars Publishing, 2009.

- Alba-Juez L.* Discourse Analysis and Pragmatics: Their Scope and Relation // Вестн. Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20, № 4. С. 43–55.
- Brown P., Levinson S.D.* Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Fox K.* Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. London: Hodder. 2005.
- Kecskes I.* Intercultural Pragmatics. Oxford: Oxford University Press. 2014.
- Larina T.* Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies // International Review of Pragmatics, Vol. 7, № 5. Special Issue: Communicative Styles and Genres, 2015. P. 195–215.
- Larina T., Mustajoki A., Protassova K.* Dimensions of Russian culture and mind. In: Katja Lehtisaari and Arto Mustajoki (eds.) Philosophical and cultural interpretations of Russian modernisation. Series: Studies in Contemporary Russia. Oхon/New York: Routledge. 2017. P. 7 – 19.
- Leech G. and Larina T.* Politeness: West and East. // Вестн. Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2014. № 4. С. 9–34.
- Martin J. R.* The Discourse Semantics of Attitudinal Relations: Continuing the Study of Lexis. // Вестн. Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1. С. 22–47.
- Ozyumenko V.* Modality in English and Russian legislative discourse: comparative study // Respectus Philologicus. 2012. 22 (27). P. 37– 44.
- Paxman J.* The English: A Portrait of a People. Penguin Group. London, 1999
- Ponton D.M., Ларина Т.В.* Дискурс-анализ в 21 веке: теория и практика (I) // Вестн. Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20, № 4. С. 7–25.
- Ponton D.M., Ларина Т.В.* Дискурс-анализ в 21 веке: теория и практика (II) // Вестн. Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21, № 1. С. 7–21.
- Wierzbicka A.* English: Meaning and Culture. Oxford University Press. Oxford. 2006a.
- Wierzbicka A.* Anglo scripts against ‘putting pressure’ on other people and their linguistic manifestations. In C. Goddard (ed.) // Ethnopragmatics: Understanding Discourse in Cultural Context, 31–63. Berlin: Mouton de Gruyter. 2006b.

References

- Alba-Juez, L. Perspectives on Discourse Analysis: Theory and Practice Cambridge Scholars Publishing. 2009.
- Alba-Juez, L. Discourse Analysis and Pragmatics: Their scope and relation. *Russian Journal of Linguistics*, 2016, no. 20 (4), pp. 43–55.
- Bogdanova, L. Text and Discourse: Looking for a Way out of the Labyrinth. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN*, 2016, no. 20 (3), pp. 7–30. (In Russ).
- Brown, P., Levinson S.D. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Fox, K. *Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour*. London: Hodder, 2005.
- Karasik, V.I. *Yazykovoy krug: Lichnost', concepti, diskours*. Volgograd: Paradigma. 2014. (In Russ).

- Karasik, V.I. (). Discourse Manifestation of Personality. *Russian Journal of Linguistics*, 2016, no. 20 (4), pp. 56–77. (In Russ.).
- Kashkin, V.B. *Vvedenie v teoriu diskursa*. Moscow: Vostochnaya kniga. 2010. (In Russ.).
- Kas'yanova K.O. *O russkom natsional'nom kharaktere*. Moscow: Akademicheskii Proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2003. (In Russ.).
- Kecskes, I. Word, context and communicative meaning. *Russian Journal of Linguistics* (former *Bulletin of Peoples's Friendship University of Russia. Series Linguistics*), 2014, no. 1, pp. 7–18. (In Russ.).
- Kecskes, I. *Intercultural Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press. 2014.
- Kibrik, A.A. Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov. *Voprosy yazykoznaniya*, http://ilingran.ru/kibrik/Discourse_classification@VJa_2009.pdf (In Russ.).
- Klushina, N.I. Discourse and Stylistics: Integrative Methods of Research of Media Communication. *Russian Journal of Linguistics*, 2016, no. 20 (4), 78–90. (In Russ.).
- Krassina, E. Discourse, Statement And Speech Act. *Russian Journal of Linguistics*, 2016, no. 20 (4), pp. 91–102. (In Russ.).
- Larina, T. V. Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii. Moscow: Izd-vo Yazyki slavyanskikh kul'tur. 2009. (Yazyk. Semiotika. Kul'tura). (In Russ.).
- Larina, T.V. *Anglichane i russkie: Yazyk, kul'tura, kommunikatsiya*. Moscow: Izd-vo Yazyki slavyanskikh kul'tur. 2009. (In Russ.).
- Larina, T. Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. In *International Review of Pragmatics*, 2015, vol. 7, no. 5. Special Issue: Communicative Styles and Genres, pp. 195–215.
- Larina, T. *Osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii*. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 2017. (In Russ.).
- Larina T., Mustajoki, A., Protassova, K. Dimensions of Russian culture and mind. In Katja Lehtisaari and Arto Mustajoki (eds.) *Philosophical and cultural interpretations of Russian modernisation*. Series: Studies in Contemporary Russia. Oxon/New York: Routledge, 2017, pp. 7 – 19.
- Larina, T., Ozyumenko V. Ethnic identity in language and communication. *Cuadernos de Rusística Española*, 2016, no. 12, pp. 57–68. <http://revistaseug.ugr.es/index.php/cre/issue/view/358/showToc> (In Russ.).
- Leech, G. and Larina, T. Politeness: West and East. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN* (former *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia: Linguistics*), 2014, no. 4, pp. 9–34.
- Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa*. Moscow: Gnozis, 2003 (In Russ.).
- Martin J.R. The Discourse Semantics of Attitudinal Relations: Continuing the Study of Lexis. *Russian Journal of Linguistics*, 2017, no. 21 (1), pp. 22–47.
- Olyanich A.V. *Prezentatsionnaya teoriya diskursa*. Volgograd: Paradigma, 2004. (In Russ.).
- Ozyumenko V. Modality in English and Russian legislative discourse: comparative study. *Respectus Philologicus*, 2012, no. 22 (27), pp. 37– 44.
- Ozyumenko V. (). Media Discourse in an Atmosphere of Information Warfare: From Manipulation to Aggression. *Russian Journal of Linguistics*, 2017, no. 21 (1), pp. 203–220.

Pavlovskaya A.V. *Angliya i anglichane*. Moscow: Moskow Iniversity Publ.; Triada, ltd, 2004. (In Russ.).

Paxman J. *The English: A Portrait of a People*. Penguin Group. London, 1999.

Ponton D., Larina T. Discourse Analysis in the 21st Century: Theory and Practice (I). *Russian Journal of Linguistics*, 2016, no. 20 (4), pp. 7–25.

Ponton, D., Larina T. Discourse Analysis in the 21st Century: Theory and Practice (II). *Russian Journal of Linguistics*, 2017, no. 21 (1), pp. 7–21.

Wierzbicka, A. *English: Meaning and Culture*. Oxford University Press. Oxford. 2006a.

Wierzbicka, A. Anglo scripts against ‘putting pressure’ on other people and their linguistic manifestations. In C. Goddard (ed.), *Ethnopragmatics: Understanding Discourse in Cultural Context*. Berlin: Mouton de Gruyter. 2006b, pp. 31–63.

Tatiana V. Larina, Vladimir I. Ozyumenko (Russian University of People’s Friendship. Moscow, Russian Federation)

PERSONAL FREEDOM AS A CONSTITUTIVE ELEMENT OF ENGLISH DISCOURSE

Identification of sociocultural factors that affect discourse and its ethnocultural features is an important task of discourse analysis. When these factors are ignored or misunderstood, serious problems may arise in intercultural communication. The object of this study is *Anglo-English* [Wierzbicka 2006a]. We believe such generalization is acceptable when we focus on similarities rather than differences. The aim of the article is to show that the idea of personal freedom permeates English discourse, governs the choice of communicative strategies in different speech acts and can be viewed as a constitutive element of English discourse in general. The study is based on empirical data obtained from questionnaires, interviews and observations, and relies on contextual, pragmatic, and discourse analysis. The study of basic socio-cultural values that have a primary impact on the communicative behaviour of a people and organise its discourse seems to be a promising area for interdisciplinary research. Knowledge of these values promotes better understanding of the mechanisms of discourse organisation, helps to find answers to many theoretical questions and provides guidance for effective use of language in intercultural interaction.

Key words: *English discourse, communicative values, constitutive element, communicative ethno-style*

Tatyana V. Larina – Ph.D. of philology, professor. English language dpt., philology faculty. Russian University of People’s Friendship. Phone: +7-909-989-6914; e-mail: tatiana@larina.tv

Vladimir I. Ozyumenko – candidate of philology, associate professor. English language dpt., philology faculty. Russian University of People’s Friendship. Phone: +7-905-702-8301; e-mail: vladimir@ozyumenko.ru